МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В.ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Хитров Дмитрий Алексеевич

**Губернская реформа Екатерины II:
изменение внутренних границ и организация пространства государства**

Специальность 5.6.1. Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Москва – 2025

Диссертация подготовлена на кафедре истории России до начала XIX века исторического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова»

Официальные оппоненты **Аракчеев Владимир Анатольевич**,
доктор исторических наук,
ФКУ «Российский государственный архив древних актов», директор
Петрухинцев Николай Николаевич,
доктор исторических наук, доцент,
Липецкий филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», кафедра гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, профессор
Смирнов Юрий Николаевич,
доктор исторических наук, профессор,
ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева», Социально-гуманитарный институт, исторический факультет, кафедра всеобщей истории, международных отношений и документоведения, профессор, заведующий кафедрой

Защита диссертации состоится 9 июня 2025 года в 14:00 часов на заседании диссертационного совета МГУ.056.1 Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова по адресу: 119234, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, исторический факультет МГУ имени М.В.Ломоносова, ауд. А-419.

E-mail: ot-dissovet@hist.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций Научной библиотеки МГУ имени М.В.Ломоносова (Ломоносовский проспект, д. 27) и на портале: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/3399>

Автореферат разослан «_____» _____ 2025 года

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат исторических наук

О.В. Белоусова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Научная значимость и актуальность темы исследования.

Пространственные структуры общества, как правило, отличаются очень большой устойчивостью – просто в силу того, что их изменение затрагивает жизнь большого числа людей и многие сферы общественной жизни. В истории дореволюционной России крупнейшим таким изменением является серия преобразований, связанных с изданными 7 ноября 1775 г. Екатериной II «Учреждениями для управления губерниями Всероссийской империи» и занимающих одно из центральных мест в истории России XVIII в. Губернская реформа сыграла большую роль в «формировании пространственно-географических условий экономического развития страны»¹, в ее рамках произошли глубокая перестройка системы местного управления и значительные перемены в устройстве центральных органов власти. Она стала важным этапом в развитии сословного строя, создав институты самоуправления для дворянства и городского населения и оформив многие сословные привилегии.

Одной из важнейших составляющих реформы было то, что при введении в действие «Учреждений» была пересмотрена система административного деления страны.

В допетровское время пространство страны делилось на уезды – древние, исторически возникшие единицы. При Петре I уезды были объединены в губернии и провинции, состав которых неоднократно менялся, но эти реформы не затрагивали уездного уровня². Однако в ходе екатерининской реформы административно-территориальное устройство России было перестроено на

¹ Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. 2-е изд. М., 2006. С. 553.

² Правда, в конце петровского царствования уезды на некоторое время перестали быть налоговыми округами, замененные сначала «ландратской долей», а затем «дистиктом», но уже в 1727 г. эти эксперименты были прекращены, и уездам было полностью возвращено их значение. См., напр.: Историческая география России. IX – начало XX века. Территория, население, экономика: очерки / Отв. ред. Я.Е. Водарский. М., 2013. С. 27–73; Готье Ю.В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. 1. М., 1913. Гл. 2.

качественно иных принципах³. Вместо трехуровневого деления (губерния–провинция–уезд) было введено двухуровневое. Верхний уровень был представлен единицами, которые в документе названы «губерниями, или наместничествами», а нижний – «уездами, или округами», причем все их границы были определены заново⁴. На большей части территории страны это деление с некоторыми изменениями просуществовало до конца 1920-х гг.

Одновременно введение в действие «Учреждений» было сопряжено с крупнейшим в истории дореволюционной России вмешательством государства в развитие городской сети. Правительство упразднило большое число городов и учредило еще более значительное число новых. Новые города создавались, как правило, на базе крупных сел, государственных или экономических, хотя известны и случаи, когда производилось принудительное объединение нескольких поселений⁵. Открытие новых административных единиц сопровождалось пышными торжествами, местные чиновники получали новые мундиры, города, как старые, так и вновь учрежденные, – гербы. Успех реформы должны были подчеркнуть перепланировка городов и активное строительство в них типовых казенных зданий. Весьма немногие события в истории России оставили после себя столь зримый след в сегодняшнем облике страны.

Несмотря на это, пространственный аспект реформы, столь важный для современников, до сих пор почти не исследован.

³ Учреждения для управления губерний Всероссийской империи // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е (Далее – ПСЗ). № 14392. Т. XX. С. 229. 7 ноября 1775 г.

⁴ См.: ПСЗ. № 14392. Т. XX. С. 231. Впоследствии в законодательстве, картографии и делопроизводстве екатерининского времени преобладает термин «наместничество», который позволял избежать путаницы с дореформенными губерниями; по тем же причинам он используется в настоящей работе, хотя в историографии более распространен термин «губерния».

⁵ См., напр.: *Голубинский А.А., Хитров Д.А., Черненко Д.А.* Городское землепользование на Европейском Севере России в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012. М., 2013. С. 168–176; *Города Российской империи в материалах Генерального межевания: Центральная Россия* / Сост. Д.А. Черненко, А.А. Голубинский, Д.А. Хитров. М., 2016; *Города Российской империи в материалах Генерального межевания. Продолжение* / Сост. Д.А. Черненко, А.А. Голубинский, Д.А. Хитров. М., 2022.

«Учреждения» называют единственный принцип, который должен был быть положен в основу проведения новых границ, – примерное равенство населения. В преамбуле объясняется, что при существующем положении дел «по великой обширности некоторых губерний оныя недостаточно снабдены как правительствами, так и надобными для управления людьми». Теперь в наместничестве «полагается <...> от 300 до 400 тысяч душ». Такая административная единица, по мысли законодателя, может быть «порядочно управляема». Население уезда должно было составлять от 20 до 30 тысяч душ⁶.

Однако остается нерешенным вопрос о том, как были реализованы принципы нового административного деления, определенные «Учреждениями», какие еще соображения принимались во внимание при «новом разделении империи», в какой степени новые административные границы были преемственны по отношению к старым, какие территории изменили свою административную подчиненность и под воздействием каких факторов это произошло.

Потребность в изучении изменения внутренних границ в ходе реформы особенно значительна в связи с современными тенденциями в развитии историографии.

Уже несколько десятилетий одним из важнейших направлений изучения русской истории XVII–XVIII вв. является региональное. Историография на новом уровне вернулась к идеям и подходам, распространенным в первых десятилетиях XX в. и реализованным, в частности, в трудах М.К. Любавского⁷. Развитие науки к 1980-м гг. привело к пониманию того, что процессы исторического развития в различных крупных историко-географических регионах (таких, как черносошный Север, не знавший служилого землевладения, Поволжье, с его смешанным составом населения и сложными процессами колонизации, черноземный Юг, где в течение долгого времени

⁶ ПСЗ. № 14392. Т. XX. С. 231–232. Имеются в виду ревизские души, то есть мужчины податных сословий.

⁷ Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации. М., 1996.

доминирующим фактором общественного развития была внешняя угроза, новгородско-псковский Северо-Запад, с традиционно высокой ролью больших городов) имеют качественные, а не количественные отличия от процессов, протекавших в центре страны.

На этом направлении в последние десятилетия достигнуты крупные успехи. Это стало возможным благодаря формированию во многих региональных университетах сильных научных школ, занимающихся изучением истории России XVII–XVIII вв.⁸ Стоит отметить, что это – сравнительно новое явление в историографии. В советский период (и тем более до революции) изучение «периода феодализма» было в основном сосредоточено в столицах (хотя, конечно, можно назвать целую плеяду блестящих ученых этого времени, работавших за пределами Москвы, Ленинграда и Новосибирска – В.П. Загоровского, П.А. Колесникова, А.П. Пронштейна и многих других). Последние годы отмечены появлением большого количества глубоких региональных исследований и опирающихся на них обобщающих трудов по истории регионов⁹. Благодаря этим работам перед нами постепенно возникает картина очень неоднородных и противоречивых процессов развития, протекавших по-разному в разных частях государства.

В то же время несомненно, что эти процессы обладали также высокой степенью внутреннего единства – хотя бы потому, что их итогом стало создание огромного единого государства, занявшего весь север Евразийского континента. Перед специалистами стоит сложная задача осмыслить и объяснить это сочетание единства и разнообразия, выявить общее и особенное

⁸ В течение последних полутора десятилетий крупнейшим научным форумом, на котором собираются представители этих школ, являются проводимые на историческом факультете МГУ имени М.В.Ломоносова регулярные Чтения памяти Л.В. Милова. См.: Русь, Россия. Средневековье и Новое время. Вып. 1–7. М., 2009–2024.

⁹ Среди наиболее значимых достижений последних лет можно назвать коллективные труды: История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней / Под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, Ю.Н. Смирнова. 2-е изд., испр. и доп. Т. 1–2. Самара, 2020; Восемь столетий нижегородской истории. 1221–2021. Т. 1. XII–XIX века / Отв. ред. П.В. Чеченков. Нижний Новгород, 2021; Южный и юго-восточный фронт России в XVI–XVIII вв.: очерки истории. Ростов-на-Дону, 2024 и мн. др.

в процессах общественного развития в разных частях страны. Особое значение с этой точки зрения имеет изучение этих процессов в сопоставлении и в динамике.

Однако применительно ко второй половине XVIII в. здесь возникают существенные сложности, связанные с особенностями имеющихся в распоряжении ученых данных. Российская империя обладала весьма совершенной для своего времени системой учета населения и землевладения, различные ведомства собирали многочисленные сведения о торговле, сельскохозяйственном и промышленном производстве и многие другие. Однако материалы разного времени часто невозможно соотнести из-за несопоставимости административных единиц, в рамках которых они были собраны: все дореформенные¹⁰ данные организованы в соответствии со «старым» делением, а пореформенные – с «новым». Ярким примером тех сложностей, с которыми в связи с этим сталкиваются исследователи, являются работы В.М. Кабузана, в которых данные I–III и III–IX ревизий о численности населения исследуются обособленно и сопоставляются между собой только на уровне суммарных цифр по всей стране¹¹. Эта несопоставимость данных ощущается во всех сферах исторического знания – от социальной истории (где бывает непросто выяснить преемственность отдельных сословных групп) до истории культуры (где культурные связи также отчасти выстраивались в соответствии с административными и церковными границами).

Дело дополнительно осложняется тем, что, как известно, в ходе губернской реформы были упразднены все местные учреждения, а следом за ними – и все центральные, занимавшиеся разными сферами внутренней жизни страны. В результате между документами «старых» и «новых» учреждений

¹⁰ Слова «дореформенные» и «пореформенные» употребляются в работе в значении «существовавшие до или после реформы 1775 г.». Существовавшие до реформы административные единицы иногда именовались также «старыми», а возникшие в ее ходе – «новыми».

¹¹ См., напр.: *Кабузан В.М.* Народы России в XVIII веке: численность и этнический состав. М., 1990; см. также: *Водарский Я.Е.* Дворянское землевладение в России в XVII – первой половине XIX в.: (Размеры и размещение). М., 1988.

образовался значительный хронологический и тематический разрыв, который лишь отчасти может быть заполнен документами продолжавших действовать высших учреждений (Сената, канцелярий статс-секретарей и др.). Реформа, создавшая этот разрыв, как бы сама препятствует своему изучению.

Таким образом, актуальность задуманной работы определяется тем, что исследование изменения внутренних границ в результате самой масштабной в истории дореволюционной России реформы внутреннего административного деления позволит устранить важный пробел в историографии. Изменив пространственную структуру общества, губернская реформа оказала сильное влияние на социальный строй, городскую и дорожную сети, а опосредованно – на экономические связи, демографию, культуру и быт. Без понимания внутренней логики произошедших перемен представления о развитии любой из этих сфер во второй половине XVIII в. будут неполными.

Кроме того, реконструкция произошедших изменений необходима для разрешения одной из самых серьезных источниковедческих проблем, с которыми сталкиваются исследователи второй половины XVIII в., – «проблемы 1775 года», несопоставимости до- и пореформенных данных. Установление, части каких «старых» административных единиц вошли в состав каждой из «новых», открывает путь к преодолению этого барьера, что необходимо для дальнейшего развития исследований как на общегосударственном, так и на региональном уровне.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования является система административного деления страны, в том числе состав административных центров и расположение внутренних границ. Предмет исследования – изменения, произведенные в этой системе в ходе губернской реформы.

Хронологические рамки исследования определяются временем проведения реформы.

В первые же годы правления Екатерины II правительство весьма активно занялось вопросом о реорганизации местного управления¹², но первоначально речь шла об устранении наиболее очевидных недостатков существовавшей системы. Крупные перемены начались с издания «Учреждений».

Механизм создания новых наместничеств достаточно хорошо изучен в литературе¹³. Дело обычно начиналось с назначения наместника, которому предписывалось объехать территорию будущей административной единицы, назначить уездные города и предварительно определить границы. Ему вручалось «примерное расписание», определявшее, территории каких провинций отходили под его власть. Существенно, что «расписания» оперировали не территориями, а душами, определяя, какое их число должно было быть «отчислено» к новому наместничеству. На основании донесения объехавшего порученную территорию наместника спустя несколько месяцев появлялся указ, объявлявший о создании новой административной единицы и новых городов. Спустя еще несколько месяцев следовало торжественное «открытие наместничества», после чего новый указ сообщал о начале деятельности новых учреждений. Первыми были открыты Тверское и Смоленское наместничества (25 ноября 1775 г.), последним – Кавказское (5 мая 1785 г.).

Правда, открытие наместничества не означало еще окончания работ по определению его границ, которое, как правило, оставлялись «на соглашение» наместников. В 1781 г. императрица настойчиво напоминала наместникам о необходимости «скорейшего и верного положения границ» там, где это еще не было сделано¹⁴. Тем не менее ко второй половине 1780-х гг. Екатерина II, видимо, считала реформу завершённой.

¹² Готье Ю.В. История областного управления... Т. 2. М.; Л., 1941. С. 157–195.

¹³ Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века. Эволюция бюрократической системы. М., 2007. С. 402–406. См. также: Белов А.В. Реформа города Екатерины II (по материалам губерний Центральной России). М.; СПб., 2019.

¹⁴ ПСЗ. № 15160. Т. XXI. С. 124. 19 мая 1781 г.

Таким образом, основные события реформы укладываются в одно десятилетие – между 1775 и 1785 гг.¹⁵. В течение долгого периода до этого (в 1727–1775 гг.), как и после этого (вплоть до конца царствования Екатерины II, в 1785–1796 гг.) изменения были единичными. Соответственно, для реконструкции границ привлекаются более ранние и более поздние материалы.

Территориальные рамки исследования определяются тем, что в работе исследуется вопрос об изменениях, произошедших в ходе трансформации традиционной системы административно-территориального деления. В связи с этим имеет смысл ограничить рамки исследования той территорией, на которой до 1775 г. существовала система, уходящая корнями в допетровский период и окончательно оформившаяся к концу 1720-х гг. Ее характерной чертой было деление на провинции и уезды. Речь идет о десяти губерниях Европейской России, которые далее именуется «внутренними»: Московской, Санкт-Петербургской, Новгородской, Архангелогородской, Смоленской, Белгородской, Воронежской, Нижегородской, Казанской. К ним также добавляется выделенная в 1765 г. из состава Белгородской Слободская губерния, полки которой располагались чересполосно с уездами Белгородской губернии.

Проведение губернской реформы на окраинах страны является особой научной проблемой, которая должна быть предметом отдельного исследования. Как известно, значительная часть территории страны в середине XVIII в. не была включена в систему уездного и провинциального деления¹⁶, хотя эти территории и включались в состав губерний. Очевидно, что реформа здесь имела совершенно иной характер. Поэтому еще предстоит выяснить, имел ли место обмен территориями между «внутренними» и «окраинными» губерниями в ходе реформы. За пределами исследования, таким образом, остаются:

¹⁵ В 1790-х гг. действие «Учреждений» было распространено на земли, приобретенные по второму и третьему разделам Польши, однако эта часть преобразований стоит особняком и должна быть объектом специального исследования.

¹⁶ См. об этом: *Бородина Е.В., Киселев М.А., Лазарев Я.А., Накишова М.Т., Редин Д.А.* «Ментальное государство» Петра Великого и регионы в первой четверти XVIII века. Материалы и исследования по истории местного управления в России. Екатеринбург, 2022.

– Выборская, Эстляндская и Лифляндская губернии, лены в которых хотя и назывались иногда в русских источниках уездами, имели совершенно иное происхождение и управление;

– Малороссия, делившаяся на полки;

– Новороссийская губерния, созданная в 1765 г. и включившая территории, не имевшие на тот момент уездного деления (за исключением переданного в ее состав Бахмутского уезда, который, впрочем, тоже не имел, видимо, четких границ);

– Земля Войска Донского и Область Вольностей Запорожских;

– территории, полученные по первому разделу Польши, поветовое деление которых также качественно отличалось от русского уездного;

– Астраханская и Оренбургская губернии, где уездное деление накануне реформы еще находилось в стадии становления;

– территории Северного Кавказа и казахские степи за Яиком, на которых на момент начала реформы присутствовали только органы военного управления;

– Сибирская губерния (в 1764 г. разделенная на Тобольскую и Иркутскую), которая требует особого изучения.

Цель и задачи исследования. Цель исследования состоит в том, чтобы выяснить, как изменилась система административно-территориального деления внутренних губерний Европейской России в ходе реформы. Для ее достижения потребуется решить следующие исследовательские задачи.

1. Выяснить, как выглядела система административно-территориального деления накануне реформы: как территория государства была покрыта административными центрами разного уровня и как была разделена между ними. Это достигается путем создания детальных карт административного устройства и их изучения.

2. Установить обстоятельства осуществления реформы: каким образом проводились в жизнь предписанные «Учреждениями» преобразования, какими

принципами руководствовались реформаторы, какой информацией могли оперировать и как принятые решения воплощались на местности.

3. Определить, каким образом были разделены старые административные единицы и как были собраны новые, в какой степени в ходе реформы сохранились существовавшие ранее территориальные связи, как изменились покрытие территории административными центрами и характер разделения территории между ними. Эта задача также решается путем картографирования произошедших изменений и последующего анализа созданных карт.

Методологическая основа исследования. Исследование выполнено исходя из принципа историзма, что, применительно к его теме, означает, что административное деление рассматривается в ней не изолированно, а как органическая часть общественного устройства. Понимание общественных процессов второй половины XVIII в. в работе основывается на концепции Л.В. Милова. Взгляд на Россию того времени как на общество с ограниченным объемом совокупного прибавочного продукта объясняет целый ряд важных для исследования черт этого общества – сравнительную малочисленность государственного аппарата на местах, большую роль структур самоуправления, и одновременно – «всемогущество и жесткость власти российских самодержцев»¹⁷.

Методика исследования определяется двумя факторами. Во-первых, в ходе реформы не было создано комплекса документов, который отражал бы произошедшие перемены, содержал бы в себе сведения и о «старой», и о «новой» административной принадлежности территорий. Во-вторых, как уже сказано, период преобразований в Европейской России укладывается в довольно короткие сроки, с 1775 г. до середины 1780-х гг., причем как до этого (как минимум с 1727 г.), так и после (до конца царствования Екатерины II) деление оставалось стабильным.

Соответственно, для достижения поставленной цели необходимо создать пространственную модель, состоящую из двух соотнесенных между собой карт

¹⁷ Милов Л.В. Указ. соч. С. 565–566.

административного деления, одна из которых отражает положение дел накануне реформы (условно – на 1770 г.), а вторая – на момент ее окончания (условно – на 1792 г.). Их сопоставление дает возможность ответить на заданные вопросы.

Поскольку реформа производилась путем перераспределения поселений с принадлежавшими к ним землями (незаселенная земля, по общему правилу, не могла изменить своей принадлежности без поселения, к которому она «тянула»), важно, чтобы границы, проведенные на этих картах, верно отражали административную принадлежность каждого из существовавших тогда поселений. В противном случае возникает риск пропустить, не учесть какое-то из изменений.

Обе карты были созданы на основании большого комплекса разнородных и разновременных памятников, прежде всего картографических и учетно-статистических, в основной массе рукописных, которые потребовалось выявить в архивах и библиотечных собраниях, типологизировать по характеру содержащейся в них информации и систематизировать по территориальному признаку. Полученная из них информация, сводящаяся, в сущности, к известиям о том, к какому уезду принадлежало конкретное поселение до или после реформы, стандартизируется и включается в создаваемую пространственную модель с указанием на ее источник. Это поселение необходимо также локализовать на современной карте, что выполняется, в зависимости от характера источника, либо с помощью привязки (геореференсирования) исторической карты, либо вручную. Перекрестная проверка данных разных источников (например, карт смежных уездов) обеспечивают достоверность создаваемых реконструкций.

Карты 1770 и 1792 гг. создавались не независимо друг от друга и в обратном хронологическому порядке: сначала была создана карта 1792 г., а затем составлявшие ее полигоны были «разделены» и вновь «собраны» в карту 1770 г. Этим достигается их сопоставимость. Таким образом, исследование выполнялось в порядке, обратном хронологическому. Изложение его

результатов, однако, сделано в хронологическом порядке. Методы создания этих карт с помощью средств электронной картографии¹⁸ обсуждаются в главе 3.

Объем информации, содержащейся в пространственной модели, можно измерить в точках, поскольку вся она, в конечном итоге, сводится к установлению координат определенного объекта. Общее число таких точек (привязывающих исторические карты к современной основе, локализирующих исторические поселения, отражающих трассировку разновременных границ), включенных в модель, достигает 1,5 млн. Это позволило впервые получить точные исторические карты административно-территориального деления до и после реформы, на их основании восстановить картину перераспределения территорий и оценить масштаб произошедших перемен.

Степень изученности темы. Губернская реформа имеет достаточно обширную историографию, однако ее пространственный аспект ранее не был предметом специального исследования.

В дореволюционный период основное внимание исследователей было сфокусировано на изучении созданных «Учреждениями» органов власти, их функций и взаимодействия между собой¹⁹, а также на деятельности отдельных администраторов²⁰. Само проведение реформы и, в частности, механизмы формирования новых административных единиц стали предметом изучения только в 1910-х гг. в работах Ю.В. Готье и В.А. Григорьева²¹, однако первый из них не ставил перед собой цели исследовать реформу 1775 г., а второй, столкнувшись с отсутствием в архиве систематических материалов о ее проведении, ограничился рассмотрением законодательства и отдельными

¹⁸ Картографические работы выполнялись с применением свободно распространяемой программы QGIS.

¹⁹ *Градовский А.Д.* Собрание сочинений. Т. 2. СПб., 1899; *Лохвицкий А.В.* Губерния, ее земские и правительственные учреждения. Ч. 1. СПб., 1864.

²⁰ *Blum K.* Ein Russischer Staatsmann. Des Grafen Jacob Joh. Sievers Denkwürdigkeiten zur Geschichte Russlands. 2 Bd. Leipzig und Heidelberg, 1857.

²¹ *Готье Ю.В.* История областного управления... Т. 1; *Григорьев В.А.* Реформа местного управления при Екатерине II (Учреждение о губерниях 7 ноября 1775 г.). СПб., 1910.

иллюстрациями, что не позволило ему создать сколь-либо цельной картины происходившего.

В советский период губернская реформа трактовалась чаще всего как ответ дворянского государства на усиление классовой борьбы, прежде всего на восстание Пугачева²². Соответственно, основное внимание уделялось развитию аппарата местного управления и роли дворянства.

История создания текста «Учреждений» исследована в фундаментальной диссертации М.П. Павловой-Сильванской, которая, к сожалению, остается неопубликованной²³.

В последние годы появилась целая серия работ, посвященных проведению губернской реформы в отдельных наместничествах. В некоторых из них затрагиваются и административно-территориальные преобразования (работы Д.Е. Хохолева, Е.А. Шевченко, А.В. Контева, Ю.Н. Смирнова и др.)²⁴. Продолжает привлекать внимание исследователей и организация органов местной власти в губернии в екатерининское время (работы Н.В. Середы, Л.М. Лысенко, А. Плате и др.²⁵), влияние реформы на развитие системы государственного управления и состав гражданских служащих (Л.Ф.

²² *Белявский М.Т.* Требования дворян и перестройка органов управления и суда на местах в 1775 г. // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1960. № 4. С. 129–134 и др.

²³ *Павлова-Сильванская М.П.* «Учреждение о губерниях» 1775 года и его классовая сущность: дисс. ... канд. ист. наук. М., 1964.

²⁴ *Хохолов Д.Е.* Управление Пермским наместничеством (1780–1796 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2003; *Шевченко Е.А.* История Воронежского наместничества (1779–1796 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2009; *Контев А.В., Контева О.Е.* Административно-территориальные преобразования на юге Западной Сибири в 1780–1796 гг. и их отражение в картографических источниках // Известия Алтайского государственного университета. Серия «История, Политология». Журнал теоретических и прикладных исследований. 2012. № 4/2 (76/2). С. 126–130; *Смирнов Ю.Н.* Эволюция управления и административных структур в ходе освоения юго-востока европейской России от временных комиссий 1730-х годов до «внутренней губернии империи» середины XIX века // Проблемы истории России. Вып. 9. Россия и Запад в переходную эпоху от средневековья к новому времени. Екатеринбург, 2011. С. 155–169.

²⁵ *Середи Н.В.* Реформа управления Екатерины Второй: источниковедческое исследование. М., 2004; *Лысенко Л.М.* Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII – начало XX века). 2-е изд. М.: Издательство МПГУ, 2001; *Плате А.* Проведение судебной реформы Екатерины II на Среднем Урале: деятельность верхних и нижних расправ в 1780–1790-е гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2018.

Писарькова и др.)²⁶. Важные для понимания замысла реформы сюжеты, связанные с взаимодействием императрицы с остзейскими ландтагами, изучены Г.В. Ибнеевой²⁷. А.В. Белов исследовал изменения в состоянии городской сети, связанные с реформой²⁸.

Современные работы, посвященные внутренней политике Екатерины II, характеризуют отход от умозрительных социологических схем, доминировавших в предшествующие десятилетия, новое прочтение корпуса основных текстов той эпохи, стремление понять внутреннюю логику государственных деятелей этого времени²⁹. При этом существуют значительные расхождения между специалистами в оценке роли сословий и сословных институтов в ходе реформы, степени эффективности введенных реформой моделей управления, а также в понимании общей направленности реформы (централизующей или децентрализующей управление). Так, О.А. Омельченко полагал, что реформа была направлена на децентрализацию управления и сопровождалась передачей на губернский уровень многих властных функций³⁰. А.Б. Каменский, напротив, считает, что в результате реформы «Россия окончательно стала унитарным государством, и такой принцип его устройства уже не могли поколебать последующие отступления в самом конце XVIII и в XIX в.»³¹. Эти расхождения в значительной степени связаны с тем, что один из основных аспектов реформы – территориальный – остается неизученным.

При этом в историографии накоплен значительный опыт создания исторических карт по истории России XVI–XVIII вв., в том числе

²⁶ Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века. Эволюция бюрократической системы. М., 2007.

²⁷ Ибнеева Г.В. Имперская политика Екатерины II в зеркале венценосных путешествий. М., 2009.

²⁸ Белов А.В. Указ. соч.

²⁹ Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 456–457.

³⁰ Омельченко О.А. «Законная монархия» Екатерины Второй: просвещенный абсолютизм в России. М., 1993. С. 271.

³¹ Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М., 2001. С. 428–429.

картографических реконструкций административного деления. Первые детальные исследовательские карты были созданы еще до революции³². В советской науке наиболее значительные достижения в этой области связаны с именами М.В. Витова, Я.Е. Водарского и В.М. Кабузана³³, разработавших научный подход к созданию картографических реконструкций. В современной литературе значительные достижения в этой области получены А.А. Фроловым, А.А. Селиным, Д.А. Черненко, А.А. Голубинским, Ю.В. Степановой, Л.Г. Степановой и др.³⁴.

Весьма хорошо изучены и особенности карт XVIII в. как исторического источника. Благодаря работам А. Иснара, В.Ф. Гнучевой, Б.В. Александрова, В.М. Кабузана³⁵ был выявлен основной корпус сохранившихся рукописных и печатных карт. Хорошо изучены история их создания, а также методы, применявшиеся при их составлении³⁶.

³² *Готье Ю.В.* Замосковский край в XVII веке. М., 1906; *Андряшев А.М.* Материалы по исторической географии Новгородской земли. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498–1576 гг. М., 1914.

³³ *Витов М.В.* Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII веков: из истории сельских поселений. М., 1962; *Водарский Я.Е.* Население России в конце XVII – первой четверти XVIII вв. М., 1977; *Историческая география России. IX – начало XX века. Территория, население, экономика: очерки / Отв. ред. Я.Е. Водарский.* М., 2013.

³⁴ *Фролов А.А., Пиотух Н.В.* Исторический атлас Деревской пятины Новгородской земли (по писцовым книгам письма 1495–1496 гг.). Т. 1–3. М.; СПб., 2008; *Степанова Ю.В., Фролов А.А., Гаврилов П.В., Савинова А.И.* Писцовая книга Тверской половины Бежецкой пятины 1545 г.: публикация источника в среде веб-ГИС // *Историческая информатика.* 2021. № 4. С. 87–102; *Селин А.А.* Историческая география Новгородской земли в XVI–XVIII вв. Новгородский и Ладужский уезды Водской пятины. СПб., 2003; *Голубинский А.А., Хитров Д.А., Черненко Д.А.* Итоговые материалы Генерального межевания: о возможностях обобщения и анализа // *Вестник Московского университета. Серия 8: История.* 2011. № 3. С. 35–51; *Черненко Д.А.* Суздальский уезд в конце XVIII в.: опыт ГИС-картографирования процессов заселения и хозяйственного освоения территории // *Историческая информатика.* 2017. № 4. С. 44–55; *Степанова Л.Г.* Природа и благосостояние. Освоение окружающей среды русским крестьянином в эпоху Средневековья и раннее Новое время. СПб., 2021 и др.

³⁵ *Isnard A.* Joseph-Nicolas Delisle, sa biographie et sa collection de cartes géographiques à la bibliothèque nationale // *Bulletin de la section de Géographie.* Т. 30. Paris: Imprimerie Nationale, 1915; *Гнучева В.Ф.* Географический департамент Академии наук XVIII века. М.; Л., 1946; *Кабузан В.М.* Обзор историко-географических источников по административно-территориальному делению России в 1720–1770 гг. // *Историческая география России XVIII в. Ч. 2.* М., 1981. С. 45–56.

³⁶ *Новлянская М.Г.* Иван Кириллович Кирилов, географ XVIII в. М.; Л., 1964; *Постников А.В.* Развитие крупномасштабной картографии в России. М., 1989 и др.

Таким образом, можно сказать, что историографическая ситуация весьма благоприятна для задуманного исследования. Наукой достигнуты значительные результаты в исследовании предпосылок реформы, ее подготовки и замысла, внешних обстоятельств ее проведения, накоплен опыт применения картографических методов для решения подобных задач.

Источниковая база исследования. Основной корпус источников работы – рукописные и печатные карты XVIII столетия. Остальные материалы занимают в работе подчиненное положение и привлекаются по мере необходимости.

С учетом поставленных задач сохранившиеся карты XVIII в. можно разделить на три больших комплекса. Во-первых, это ландкарты второй–третьей четвертей XVIII в. Во-вторых, это межевые карты и планы, которые начинают появляться с середины столетия и становятся многочисленными с началом Генерального межевания в 1765 г. В-третьих, это многочисленные карты и атласы, возникшие в ходе проведения губернской реформы или отражавшие ее итоги.

Ландкарты второй–третьей четвертей XVIII в. В 1720 г. Петр I распорядился «послать в губернии для сочинения ландкарт» выпускников Морской академии, «которые геодезию и картографию обучили»³⁷. Съёмки велись под эгидой Сената, где их координировал обер-секретарь И.К. Кирилов, и продолжались до конца 1730-х гг., а отчасти и позднее. Предполагалось, что их результаты станут основой первого атласа Российской империи, однако этот замысел был осуществлен только частично. Часть карт (37, из которых сохранилось 29)³⁸ были отпечатаны за собственный счет И.К. Кириловым, составив собрание, которое иногда ошибочно именуется «атласом Кирилова». Кроме того, в 1745 г. Академия наук издала первый атлас империи,

³⁷ ПСЗ. № 3682. Т. VI. С. 266. 9 декабря 1720 г.

³⁸ Новлянская М.Г. И.К. Кирилов... С. 76–79.

мелкомасштабный и достаточно приблизительный, отчасти опиравшийся на результаты этих съемок³⁹.

Основная часть составленных геодезистами ландкарт осталась в рукописях и сейчас составляет основу нескольких коллекций, хранящихся в России и во Франции. Наиболее крупными из них являются коллекция карт Географического департамента Академии наук⁴⁰ и коллекция материалов, вывезенная из России Ж.-Н. Делилем, которая ныне рассредоточена между тремя архивными собраниями⁴¹. Кроме того, имевшиеся в Адмиралтейств-коллегии ландкарты были в 1782 г. сведены в «Атлас лесов Российской империи»⁴². Отдельные памятники обнаружены и в других хранилищах.

В 1770–1779 гг. Географический департамент Академии наук издал карты губерний, основанные на имевшихся там ландкартах и отчасти на полевых съемках 1750–1760-х гг.⁴³. Типологически к ландкартам весьма близка и созданная во второй половине 1760-х гг. в Генеральном штабе под руководством полковника В. Дьячкова огромная карта Архангелогородской губернии⁴⁴.

Для настоящей диссертации наиболее интересными являются крупномасштабные ландкарты отдельных уездов. Сохранившиеся памятники покрывают значительную часть территории страны, однако в их коллекции есть большие лакуны. Были составлены, но ныне, видимо, утрачены ландкарты по большей части Тверской, Вологодской, Ярославской провинций. Нет материалов по Калужской, большей части Тульской, Рязанской, Костромской,

³⁹ Атлас Российской, состоящей из девятнадцати специальных карт, представляющих Всероссийскую империю с пограничными землями, сочиненной по правилам географическим и новейшим обсервациям, с приложенною при том генеральною картою великия сея Империи, старанием и трудами Императорской Академии наук. СПб., 1745.

⁴⁰ Библиотека Академии наук. Научно-исследовательский отдел рукописей. Собрание географических карт. Основная опись (Далее – НИОР БАН. Карт. осн.).

⁴¹ Bibliothèque nationale de France, GE BB–124; Archives Nationales de France. 6JJ–73; Service historique de la Marine (Vincennes). Bibliothèque du depot des cartes et plans de la Marine. Service Hydrographique. Manuscrits de M. de L'Isle. 852–1805. Recueil 53, 54.

⁴² ОР РНБ. Эрмитажное собрание. Ед. хр. 840 (Эрм. 610).

⁴³ См.: Гнучева В.Ф. Указ. соч. С. 244–250.

⁴⁴ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 846. ВУА. Оп. 16. Ед. хр. 21224, 21225, 21226.

восточной части Белгородской, Воронежской, Тамбовской и Шацкой провинциям. На севере отсутствуют ландкарты Кольского и Яренского уездов.

Работая с картографическими материалами петровских геодезистов, следует постоянно иметь в виду, что большая часть объектов на этих картах нанесена на основании опросов местных жителей. При этом инструкции не предполагали обмеров границ, поэтому, нанеся все «внутренние» объекты уезда, геодезист затем просто обводил их чертой. В силу этого к ландкартам почти неприменимы современные ГИС-методы, и при работе с ними необходимо вручную уточнять фактическое расположение каждого интересующего объекта, фактически создавая карту заново.

Карты Генерального межевания. Наиболее масштабный корпус рукописных карты XVIII в. связан с работами Генерального межевания, начатого в 1765 г. В ходе этих работ, охвативших во 1770–1790-х гг. большую часть губерний, межевщики составляли подробные планы всех дач, которые затем сводились в генеральные планы уездов масштабом – 1 верста в дюйме (1:21000). Стоит специально подчеркнуть, что основным объектом картографирования были именно межи, границы, обмерявшиеся землемерами. Объем полевых измерений, выполненных в ходе этих работ, на порядки превосходил любые более ранние работы такого рода, что обеспечило сравнительно небольшой объем искажений и, главное, их равномерное и предсказуемое распределение. Все это дает возможность использовать ГИС-методы при работе с такими памятниками.

В дореформенное время сводные уездные планы были составлены только по некоторым регионам центра страны, в частности, по Московской⁴⁵ и некоторым другим провинциям⁴⁶. Особое значение имеет незаконченная

⁴⁵ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 1356. Оп. 1. Ед. хр. 2221–2433; РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Ед. хр. 101; НИОР БАН. Карт. осн. Ед. хр. 486.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Владимирская губ. Ед. хр. 1; Рязанская губ. Ед. хр. 2; Тульская губ. Ед. хр. 1.

«Географическая карта обмежеванным провинциям» Московской губернии⁴⁷, составленная при Московской губернской межевой канцелярии в 1776 г.

Пореформенное деление отражено на многочисленных уездных планах и атласах (преимущественно хранящихся в ф. 1356 РГАДА). Эти памятники имеют решающее значение для создания карты 1792 г.

Карты и атласы, созданные в ходе реформы. Среди этих памятников следует прежде всего отметить «примерные карты», по которым происходило предварительное определение границ будущих административных единиц⁴⁸. Часто их сопровождали «примерные расписания», показывавшие, как должно перераспределиться между новыми административными единицами ревизское население⁴⁹.

Следующим этапом работы стало составление значительного числа карт и атласов наместничеств, которые создавались в губернских чертежных или в территориальных межевых канцеляриях. Таковы, например, атласы Симбирского, Казанского⁵⁰, Рязанского наместничеств⁵¹, печатный атлас Калужского наместничества⁵². Обширные коллекции губернских карт хранятся в РГАДА, РГВИА, РГИА, РГБ, ГИМ, БАН. В 1792 г. А.М. Вильбрехт напечатал второй (после Атласа 1745 г.) общенациональный атлас⁵³. Его издание, в известном смысле, подводило итоги екатерининской реформы административного деления.

⁴⁷ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Ед. хр. 20108.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Пермская губ. Ед. хр. 2; Государственный исторический музей (далее – ГИМ). Отдел картографии. Ед. хр. G-109; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Ед. хр. 20862, 20936.

⁴⁹ См.: *Хитров Д.А.* Из истории проведения губернской реформы Екатерины II: примерные расписания к картам наместничеств // Сборник статей по русской истории в честь Александра Ивановича Гамаюнова к его 60-летию от друзей и коллег. М., 2019. С. 311–325.

⁵⁰ Национальный музей Республики Татарстан. Отдел изобразительных и документальных источников. Ед. хр. В 15519/233–244. Атлас Казанского наместничества 1787 г.

⁵¹ Атлас Рязанского наместничества с топографическим описанием. Рязань, 2015.

⁵² Атлас Калужского наместничества, состоящего из двенадцати городов и уездов. Описания и алфавиты к Калужскому атласу. Т. 1–3. СПб., 1782.

⁵³ Российской Атлас, из 44 карт состоящий и на 42 наместничества империю разделяющий. СПб., 1792.

В работе также используются учетно-статистические материалы, позволяющие заполнить лакуны в имеющемся корпусе карт. Это сводные ведомости I ревизии⁵⁴, а также окладные книги ревизий. Для настоящей работы особое значение имеют книги третьей (1763 г.) и четвертой (1781 г.) ревизий, опубликованные В.М. Кабузаном⁵⁵.

Таким образом, комплекс источников, отражающих как дореформенное, так и пореформенное административное деление, обширен и позволяет решить поставленные проблемы. В то же время он очень разнороден, характер и состав имеющихся материалов неодинаков для до- и пореформенного времени, а главное – существенно различается от одного уезда к другому. Соответственно, при общем единстве подхода алгоритм создания конкретной карты границ каждой провинции, наместничества, даже каждого конкретного уезда варьируется в зависимости от характера имеющихся памятников.

Научная новизна исследования определяется тем, что подробная реконструкция системы административного деления накануне и после реформы выполнена впервые.

На сегодняшний день в распоряжении исследователей по дореформенному периоду имеются только мелкомасштабные карты-схемы Я.Е. Водарского и В.М. Кабузана, которые позволяют лишь приблизительно оценить расположение уездов и конфигурацию их границ⁵⁶. По пореформенному периоду ситуация несколько лучше, поскольку у исследователей есть возможность воспользоваться картами того времени, в том числе печатным атласом 1792 г. Однако эти карты отличаются большим количеством искажений, границы часто показаны на них довольно условно и могут ввести в заблуждение. Новые реконструкции, созданию которых посвящена преимущественная часть исследования, позволяют определить

⁵⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1149–1151.

⁵⁵ Переписи населения России. Итоговые материалы подворных переписей и ревизии / Под ред. Л.Г. Бескровного, Я.Е. Водарского, В.М. Кабузана. М., 1972. Вып. 3, 4.

⁵⁶ См. соответствующие карты в: Полный исторический атлас России. М., 2010; Национальный атлас России. Т. 4. История. Культура. Калининград, 2008.

административную принадлежность любого поселения (и, шире, любой точки на карте) до и после реформы.

Соотнесение двух карт дало возможность впервые увидеть картину перераспределения земель, которая ранее была совершенно неизвестной. Ее анализ позволил сделать ряд новых наблюдений над логикой проведения реформы и впервые дать объяснение тому, как были сформированы новые административные единицы и проведены их границы.

Теоретическая значимость исследования связана с тем, что организация пространства является одной из самых сложных и инерционных общественных систем и ее изучение важно для понимания самого этого общества. Многие элементы губернской реформы (реорганизация органов местного управления, упорядочение сословных судов и т.п.) имеют прямые параллели в преобразованиях, которые проводились в других европейских государствах в век Просвещения. Однако изменения в области административно-территориального устройства в значительной степени уникальны.

Вопрос о реорганизации административного деления в эпоху Просвещения был предметом серьезного внимания правительств во многих странах Европы. В большинстве из них основа этой системы, как и в России, сложилась исторически и восходила к Средневековью. Провинции, вошедшие в состав крупных государств Нового времени, в течение долгого времени сохраняли серьезные особенности в социальном строе, управлении и общественной жизни. Сословные организации, определявшие жизнь в каждой из них, обладали серьезным влиянием, и государства, даже в тех случаях, когда существовавшее административное деление не соответствовало новым моделям устройства общества и управления, далеко не всегда легко могли изменить его. Так, во владениях австрийских Габсбургов действия Иосифа II, который в 1783–1790 гг. попытался реорганизовать высший уровень территориального управления, усилив роль представителей коронной администрации, повсеместно столкнулись с сопротивлением сословий, а в Венгрии, где

имперская администрация попыталась, кроме того, изменить границы традиционных административных единиц, комитатов, реформа вызвала серьезное возмущение, приведшее к ее отмене⁵⁷. В сущности, из стран Западной Европы только во Франции в начале 1790-х гг. исторически сложившиеся провинции были полностью ликвидированы и заменены новыми, организованными на рациональных принципах департаментами. Эта реформа вызвала серьезное противодействие во французском обществе и даже спустя полвека воспринималась многими как одна из наиболее ярких черт того слома традиционного мироустройства, с которым была сопряжена революция. А. де Токвиль говорил о ней: «Удивляются поразительной легкости, с которой Учредительному собранию удалось одним махом уничтожить все древние провинции Франции, многие из которых были старше самой монархии, и методично разбить королевство на восемьдесят три отдельных части, словно речь шла о девственной земле Нового Света. Ничто сильнее не поразило, и даже не ужаснуло остальную Европу, не готовую к подобному зрелищу. “Впервые приходится видеть людей, – пишет Бёрк, – которые так по-варварски режут на куски собственную родину”»⁵⁸. При этом определение границ департаментов стало предметом ожесточенных дискуссий в Конвенте, ключевую роль в которых играли представители городов: отстаивая свои интересы, они боролись за контроль над важными дорогами, пристанями, рудниками и т.п.⁵⁹.

⁵⁷ Митрофанов П.П. Политическая деятельность Иосифа II, её сторонники и враги (1780–1790). СПб., 1907, С. 249–252, 276–280; Нем. изд.: *Mitrofanov P. Joseph II: Seine politische und kulturelle Tätigkeit. Bd. 1–2, Wien, 1909; Haselsteiner H. Joseph II und die Komitate Ungarns: Herrscherrecht und ständischer Konstitutionalismus. Wien, 1983; Szántay A. Regionalpolitik im alten Europa, Die Verwaltungsreformen Josephs II in Ungarn, in der Lombardei und in den österreichischen Niederlanden 1785–1790. Budapest, 2005.*

⁵⁸ Токвиль А., де. Старый порядок и революция. СПб., 2008. С. 75. Автор не совсем точно цитирует Э. Бёрка. Ср.: *Burke R. The Works of the Right Honorable Edmund Burke. Vol. 3. London, 1887. P. 497.*

⁵⁹ *Nora P. Rethinking France. Les Lieux de mémoire. Vol. 2. Space. Chicago, 2006. P. 183–231; Ozouf-Marignier M.-V. La formation des départements. La représentation du territoire français à la fin du 18e siècle. 2e éd. Paris, 1992.*

Такой накал борьбы не удивителен, поскольку речь шла не просто об иной организации местного уровня управления, но и о перестройке пространственной организации всего общества. Внутренние границы не просто разделяли административные округа, их значение было глубже и шире, причем со временем оно существенно менялось. Губернская реформа Екатерины II по масштабу перемен, произошедших в административном устройстве государства, напоминает департаментскую реформу во Франции и резко отличается от происходившего в других европейских странах. Однако отнюдь не видно, чтобы она вызвала подобное противостояние в обществе.

Объяснение этому следует искать в области процессов, происходивших в русском обществе на протяжении XVII–XVIII вв. Как известно, один из наиболее продуктивных подходов к изучению обществ Средневековья и раннего Нового времени состоит в изучении социальной организации пространства⁶⁰, в том, чтобы видеть в государстве того времени «не общество, но целый ряд обществ», по выражению Ф. Броделя. «Более привычно рассматривать их “по вертикали”, но возможно и рассмотрение “по горизонтали”, – говорил французский историк, – именно оно позволяет осознать исконную разнородность рассматриваемых объектов. Несколько сгустив краски, можно было бы сказать, что еще вчера всякое территориальное деление было делением социальным – в той мере, в какой оно отвечало потребностям <...> как правило, небольшого общества, находившего в этом делении разом и свои пределы, и источники своего существования, общества, жившего прежде всего за счет собственных внутренних связей»⁶¹.

В частности, это верно по отношению к допетровской России. Она, безусловно, была сословным обществом, однако эта сословность воплощалась во множестве обособленных сообществ, построенных по территориальному принципу. Начиная с 80-х гг. XX века в отечественной науке произошло

⁶⁰ См.: Филиппов И.С. Средиземноморская Франция в раннее Средневековье. М., 2000. С. 199 и сл.

⁶¹ Бродель Ф. Что такое Франция? Пространство и история. Т. 1. М., 1994. С. 54.

настоящее «открытие» роли территориально-сословных корпораций в жизни Московского государства. Многие из наиболее ярких достижений историографии последних десятилетий связаны с исследованием сообществ служилых землевладельцев (служилых городов)⁶², горожан⁶³, черносозных (государственных) крестьян⁶⁴, служилых людей сибирских городов⁶⁵. Даже в основе государева двора, наиболее привилегированной части общества, лежала территориальная корпорация землевладельцев столичного региона⁶⁶.

Как минимум до середины XVII в. роль этих территориально-сословных корпораций в жизни государства была так значительна, что само понятие внутренней политики для этого периода означает в значительной степени деятельность монархов по выстраиванию и балансированию взаимодействия этих сообществ, предотвращению и разрешению конфликтов между ними⁶⁷. Опираясь на них, правительство могло отчасти компенсировать неустранимую слабость и малочисленность профессионального административного аппарата. По словам Л.В. Милова, «государственные рычаги, несущие функции

⁶² См., в частности: *Назаров В.Д.* О структуре «Государева двора» в середине XVI в. // *Общество и государство феодальной России: сборник статей, посвященный 70-летию академика Л.В. Черепнина.* М., 1975. С. 40–54; *Kivelson V.* Autocracy in the Provinces: The Muscovite Gentry and Political Culture in the Seventeenth Century. Stanford, 1996; *Зенченко М.Ю.* Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII вв. М., 2008; *Лантева Т.А.* Провинциальное дворянство России в XVII в. М., 2010; *Чеченков П.В.* В конце Смуты: служилый город по нижегородской десятне 1618 г. // *Российская история.* 2013. № 6. С. 141–159; *Козляков В.Н.* Служилые люди России XVI–XVII вв. М., 2019; *Кирпичников И.А.* Рязанская элита в Московском государстве. История интеграции. М., 2025 и др.

⁶³ *Булгаков М.Б.* Государственные службы посадских людей в XVII веке. М., 2004; *Аракчеев В.А.* Средневековый Псков. Власть, общество, повседневная жизнь в XV–XVII веках. Псков, 2004.

⁶⁴ *Черкасова М.С.* Северная Русь: история сурового края XIII–XVII вв. М., 2017.

⁶⁵ *Покровский Н.Н.* Томск, 1648–1649 гг. Воеводская власть и земские миры. Новосибирск, 1989.

⁶⁶ *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992; *Он же.* Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование. Т. 1–2. СПб., 2018; *Седов П.В.* Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века. СПб., 2008.

⁶⁷ Например, нужно отметить работы Ю.М. Эскина, в которых было показано «местничество» между служилыми городами, и Н.Н. Петрухинцева, исследовавшего численность выборных от разных служилых городов в середине XVII в. См.: *Эскин Ю.М.* Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. М., 2009; *Петрухинцев Н.Н.* Структура, динамика и иерархия служилых «городов» в XVII веке // *Cahiers du monde Russe.* 2015. № 1. С. 137–174.

управления, уходили в толщу многочисленных структур общинного самоуправления города и деревни»⁶⁸.

Важно подчеркнуть, что территориальные сообщества конституировались в рамках уездов, в пределах которых их члены имели права и привилегии, обусловленные принадлежностью к корпорации. С учетом специфики тогдашнего общества эти права были связаны с землей – городской или уездной, служилой или тяглой. Границы уездов, таким образом, разделяли сообщества, обозначали пределы их земель и их власти.

Уезд представлял собой весьма сложную структуру. В его пределах могли жить представители множества сообществ, служилых и тяглых. Ключевую роль в местной жизни, однако, играла землевладельческая корпорация, служилый город, а в черносотенных уездах – сообщество горожан и представителей крестьянских общин.

Чаще всего (но не всегда) уезд совпадал с воеводским округом: воеводская власть как бы надстраивалась над существующими общинными структурами, и представители уездных сообществ, окружавшие воеводу, играли важную роль в управлении и организации несения службы и тягла⁶⁹. Впрочем, стоит оговориться, что деятельность этих структур видна нам в основном по документам приказного управления, то есть через призму выполнения ими обязательств перед государством. В реальности их функции, несомненно, были более широкими. Так, Е.Н. Швейковской описаны ежегодные многообразные хлопоты Великоустюжской земской избы по подготовке престольного праздника Прокопия Устюжского⁷⁰.

Во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. замкнутость этих территориальных сообществ начинает сокращаться. Массовый переход верхушки служилых городов в состав государева двора и одновременно

⁶⁸ Милов Л.В. Указ. соч. С. 549.

⁶⁹ См., в частности: *Вершинин Е.В.* Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998; *Глазьев В.Н.* Власть и общество на юге России в XVII веке: противодействие уголовной преступности. Воронеж, 2001.

⁷⁰ *Швейковская Е.Н.* Русский крестьянин в доме и мире. М., 2012. Гл. 5.

появление у столичных чинов крупного землевладения в удаленных от столицы уездах, распад служилых городов и установление личного характера службы дворянства⁷¹, многочисленные (и не всегда добровольные) переселения купцов и других категорий тяглого населения привели к довольно быстрому размыванию внутрисословных границ.

На этом фоне уездные служилые сообщества и их выборные представители перестают встречаться в источниках (последним примером таких выборных, видимо, были «земские комиссары» 1720–1730-х гг., функции которых, впрочем, ограничивались содействием администрации в сборе налогов). Податные сословия сохранили, в отличие от дворян, свое общинное устройство, однако эти общины больше не участвовали в решении общеуездных дел.

Историографией последних десятилетий достигнуты значительные успехи в изучении процессов консолидации сословий в XVIII в., роста их самосознания, борьбы за право участия в выработке государственной политики⁷². Одновременно эти исследования показали, что никаких требований, связанных с защитой местных прав сословно-территориальных корпораций, представителями ни одного из этих сословий не выдвигается. Отсутствие (подлинное или кажущееся) участия подобных корпораций в общественной и политической жизни в период с конца XVII до последней четверти XVIII в. заметно отличает Россию от стран Западной Европы этого времени.

Как известно, екатерининская реформа вновь создала органы сословного самоуправления для дворян, горожан и «свободных сельских обывателей» в уездах и губерниях. Возникает вопрос о возможности рассматривать эти вновь

⁷¹ *Петрухинцев Н.Н.* Консолидация дворянского сословия и проблемы формирования оформляющей его терминологии // *Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ.* М., 2013. С. 256–283.

⁷² В частности, см.: *Троцкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М., 1974; *Комиссаренко А.И.* Русский абсолютизм и духовенство в XVIII в. (Очерки истории секуляризационной реформы 1764 г.). М., 1990; *Козлова Н.В.* Российский абсолютизм и купечество в XVIII в. М., 1999.

возникшие территориальные сообщества преемниками служилых и тяглых корпораций допетровского времени.

Изучение того, как изменились административные границы в ходе открытия наместничеств, даст в руки исследователей социальной истории важный инструмент для понимания того, как была устроена внутренняя структура сословий в России этого времени. Если пространственная структура сословий сохранялась, территориальные сообщества продолжали существовать и по-прежнему контролировали местную жизнь, это должно было отразиться как на ходе реформы (они должны были пытаться влиять на «новое положение границ», отстаивая свои интересы), так и на ее результатах (изменения в таком случае, скорее всего, не затронули бы основу той сети центров и границ, которая определяла пространственную структуру общества). Напротив, если реформа проводилась администрацией в строгом соответствии с декларируемыми принципами и при этом не встречала существенного противодействия на местах, это может свидетельствовать о том, что к последней четверти XVIII в. территориальные сообщества действительно ушли в прошлое.

Поскольку, как показано в работе, существовавшее накануне реформы административное деление было стабильным, как минимум, с конца XVII в., а многие его элементы восходят к значительно более раннему периоду, создание точной карты границ, существовавших накануне реформы, даст специалистам по истории XVI – середины XVIII в. важный инструмент для изучения общества этого периода в пространственном измерении (который, конечно, следует применять с осторожностью, необходимой при любых ретроспекциях).

Одновременно созданная модель будет востребована специалистами по региональной истории конца XVIII – XIX в., поскольку позволит им сопоставить свои данные с более ранними, проследить происхождение изучаемых ими территориальных сообществ.

Практическая значимость исследования связана, прежде всего, с необходимостью созданных карт для исследователей, занимающихся

архивными поисками в рамках разного рода микроисторических работ – краеведческих, биографических или генеалогических. Комплексы массовых источников этой эпохи – таких, как ревизии, материалы Генерального межевания, губернаторские отчеты и многие другие, – структурированы именно в соответствии с существовавшим на момент их создания административным делением, и одна из главных трудностей, с которыми сталкивается работающий с ними исследователь, связана именно с неизученностью истории этого деления.

Понимание того, как менялись административные границы, необходимо также и для правильной организации архивного дела. В официальных справочниках по истории административно-территориального деления регионов, которые издаются учреждениями Росархива, губернская реформа чаще всего является нижней хронологической гранью, или же о более раннем периоде говорится в самых общих словах⁷³. Результаты работы позволят существенно уточнить данные этих справочников.

Кроме того, результаты исследования могут быть использованы для подготовки учебных пособий, лекционных курсов и практических занятий в высшей школе, для написания научных исследований и культурно-просветительской работы.

Достоверность результатов исследования обеспечивается систематической обработкой обширного корпуса источников, опубликованных и архивных, взаимной проверкой их данных. В работе привлечены материалы пятнадцати собраний (архивов, отделов рукописей музеев и библиотек) Москвы, Санкт-Петербурга, Парижа, Казани, Ярославля, Тулы. Общий объем архивных источников – 629 единиц хранения, относящихся к 27 фондам.

⁷³ Список таких изданий за последние годы см.: Антонов В.В., Раздорский А.И., Куликова А.В. Справочники по истории административно-территориального деления субъектов Российской Федерации (библиографический список) // [Электронный ресурс]: <https://nlr.ru/res/epubl/ruc/pr4.pdf> (дата обращения: 30.01.2025).

Апробация результатов исследования. Настоящая диссертация прошла обсуждение на кафедре истории России до начала XIX века исторического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова и была рекомендована к защите.

Основные положения диссертации и ее выводы отражены в 40 научных работах диссертанта общим объемом 187,4 п.л., в том числе в 19 работах общим объемом 17 п.л. в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В.Ломоносова по группе специальностей 5.6. Исторические науки.

Результаты исследовательской работы диссертанта апробировались в выступлениях на международных и российских научных мероприятиях, в том числе на Симпозиуме по аграрной истории Восточной Европы, Чтениях памяти Л.В. Милова, Международном конгрессе по исторической географии и др.

Структура диссертации организована в соответствии с проблемно-хронологическим принципом. Работа состоит из введения, шести глав, в основном разделенных на параграфы, заключения, списка источников и литературы.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Представленная в работе пространственная модель отражает картину перераспределения территорий между административными единицами в ходе реформы. Детальность картины определяется учетом административной принадлежности всех учтенных в привлеченных источниках поселений, то есть подавляющего числа существовавших в то время.

2. Существовавшая накануне реформы система административно-территориального деления имела в основе уездную структуру, восходившую к допетровскому периоду. Очертания уездов сформировались в период вхождения соответствующих территорий в состав Российского государства и отражали реалии соответствующих периодов. Их границы на большей части территории были хорошо демаркированы в результате специальных государственных размежеваний. Выделяются также несколько районов, где таких размежеваний не было, что приводило к серьезной чересполосице.

3. Уездное деление отличалось большой устойчивостью, поскольку первоначально в основе территорий уездов лежало землевладение уездных сословных сообществ. Когда в конце XVII в. эти сообщества распались, административная традиция, связанная с фиксацией земельных прав, способствовала сохранению границ в неизменном виде.

4. Потребность в реформе была вызвана разнородностью уездов, что не соответствовало новым моделям управления, а возможность ее проведения была обусловлена тем, что в XVIII в. произошла консолидация сословий, обособленность территориальных сообществ резко сократилась, а внутрисословная мобильность возросла.

5. «Новое положение границ» было проведено в пределах внутренних губерний чисто административными методами, без привлечения местных сообществ, и наместники стремились прежде всего обеспечить равенство населения наместничеств и уездов. Этому принципу было подчинено как назначение и упразднение городских центров, так и перераспределение территорий. Задача сохранения структуры пространственных связей или старых границ не ставилась, а внутреннее деление уездов (на станы, волости и другие подобные единицы) не учитывалось. Можно говорить о том, что система административно-территориального деления была не реформирована, а создана заново, на совершенно иных принципах.

6. На окраинах, обладавших до реформы особым социальным устройством и управлением, реформа проводилась обособленно, и обмена территориями между этими землями и внутренними губерниями не было. При этом два региона, которые в середине XVIII в. относили к таким окраинам, Смоленская и Слободская губернии, были отнесены к кругу внутренних, а не окраинных губерний.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обосновываются научная значимость и актуальности темы исследования, указываются объект и предмет диссертации, обосновываются ее хронологические и территориальные рамки, формулируются ее цель и задачи, раскрывается методологическая основа, оценивается степень изученности темы, анализируется источниковая база исследования, характеризуются научная новизна работы, ее теоретическая и практическая значимость, аргументируется достоверность, приводится информация об апробации, излагаются основные положения, выносимые на защиту.

Первая глава посвящена характеристике историографии и источников. В отдельных разделах историографического параграфа разбираются вопросы, связанные с изучением административного аспекта реформы, с развитием исторической картографии России изучаемого периода, с историей русской картографии XVIII в. Отмечается, что хотя пространственный аспект реформы исследуется впервые, в смежных областях знания исследователями достигнуты значительные результаты. В параграфе «Источники» дается общая характеристика использованного в работе корпуса источников, обсуждаются особенности различных групп памятников картографии XVIII в.

Во **второй главе** – «Уезды и городская сеть накануне реформы» – разбирается вопрос о том, какова природа тех объектов, которые должны быть отражены на картах, отражающих административное деление предреформенного времени.

В **первом параграфе** – «Уезды и города в 1727–1775 гг.» – исследуется вопрос о том, какие значения в период перед реформой вкладывались в понятия «уезд» и «город», которые не были однозначно определены в законодательстве того времени. В историографии существует распространенное представление, что города были центрами уездов, и в каждый из них посылался воевода. В работе показано, что это не так: уездная структура не полностью соответствовала как сети поселений, считавшихся городами, так и составу местных административных центров, воеводских округов. Соответственно, для

целей исследования требуется отобразить на картах именно границы и центры уездов.

Во втором параграфе – «Уездные границы в XVII – первой половине XVIII в.» – выясняется вопрос о характере административных границ этого времени. Вопреки распространенному в литературе мнению, что они существовали только как пределы различных воеводских юрисдикций и никак не отображались на местности, показывается, что «градские межи» практически повсеместно имеют характер вполне определенных, демаркированных на местности и освященных «стариной» рубежей.

Третья глава – «Реконструкция административного деления 1770 г.» – посвящена реконструкции деления, существовавшего накануне реформы. В ней один за другим рассматриваются уезды государства (порядок их рассмотрения организован по соответствующим губерниям и провинциям), дается обзор имеющихся по ним источников и методов, примененных при их анализе, а при необходимости – описывается процесс реконструкции их границ. Основным содержанием главы являются подробные, впервые созданные карты 228 уездов дореформенного времени, оформленные как единый атлас.

В четвертой главе – «Характеристики системы административного деления накануне реформы» – подводятся итоги работы, представленной в третьей главе, и дается общая характеристика системы административного деления, существовавшей накануне реформы.

В первом параграфе – «Размеры уездов» – вычисляются и соотносятся с численностью населения (по данным третьей ревизии 1761–1763 гг.) площади уездов. Уезды были крайне неодинаковыми по площади и населению, и если крупнейшие из них – такие, как Московский, Новгородский или Казанский, – напоминали целые губернии более позднего времени, то мельчайшие состояли, в сущности, из одного-двух поселений с сельскохозяйственной округой.

Во втором параграфе – «Очертания уездов» – разбирается вопрос о том, насколько изрезанными были границы уездов и насколько была распространена их чересполосица. Анализ созданной карты показывает, что чересполосное

расположение уездов встречается далеко не повсеместно. Это позволяет сделать вывод, что уездные границы не просто сложились исторически в ходе процессов заселения и хозяйственного освоения, а были результатом проведенных в разное время государственных размежеваний. Некоторые из них, возможно, произошли еще до объединения государства, и в таком случае административные границы XVII–XVIII вв. могут соответствовать древним границам княжеств и уделов. Другие возникли позже, при выделении или создании соответствующих уездов, однако сам характер «городовых уездных межей» таков, что можно предполагать, что практически повсеместно они возникли в результате «разъезда», осуществленного властями и разделившего земли, принадлежавшие разным сообществам. Только в некоторых случаях (наиболее крупные примеры – Тамбовско-Шацкий край, Ярославско-Костромское Заволжье, южная часть Нижегородского уезда и западная часть Великоустюжского уезда) такого размежевания почему-то не было проведено, и земли соседних уездов оказались причудливо переплетены между собой.

В третьем параграфе – «Степень устойчивости уездных границ в конце XVII – середине XVIII в.» – исследуется вопрос о времени формирования системы административного деления. На основании сопоставления реконструированной карты 1770 г. с картой конца XVII в., составленной Я.Е. Водарским, делается вывод, что сформировавшиеся к концу XVII в. границы практически не изменялись впоследствии до 1775 г. Таким образом, уездная структура, существовавшая в 1770 г., восходила к допетровскому времени.

В четвертом параграфе – «Особенности уездного деления в различных регионах страны» – прослеживается связь между спецификой административного устройства в различных частях государства и обстоятельствами формирования пространственной структуры общества на этих территориях. Показано, что это устройство было результатом длительного и достаточно противоречивого развития, и разные его элементы формировались в разное время. Его основу составляли уезды, сформировавшиеся еще в допетровской России как территориальные сообщества, основанные на

землевладении (личном или корпоративном). На оформление этих сообществ повлияли обстоятельства формирования единого государства (в центральных районах страны и в Новгородской земле), строительство систем пограничных крепостей и засек (в Черноземье и Поволжье), взаимодействие с народами Поволжья и Южного Урала и множество других факторов. Таким образом, карта административных границ 1770 г. содержит довольно большой объем скрытой информации о достаточно ранних периодах русской истории и является ценным источником для ретроспективных исследований.

В пятом параграфе – «Провинциальное и губернское деление» – показано, что в XVIII в. правительство остро ощущало неудобство этой системы, несоответствие ее новым моделям управления. Ответом стало создание Петром I сначала губерний (в 1710 г.), а затем провинций (в 1718 г.). Оба этих уровня, надстроенные над уездами, были призваны, в сущности, компенсировать сложности, связанные с управлением столь разнородными объектами. Фактически речь шла о том, что в руках правителей крупных городов сосредоточивались некоторые функции, которые невозможно было в равной степени поручить всему воеводскому корпусу: у губернаторов – военно-политические, у провинциальных воевод – контрольно-фискальные.

Пятая глава – «Проведение реформы. Реконструкция административного деления пореформенного времени» – посвящена созданию новой системы административного деления. По каждому из наместничеств рассматривается история его формирования, разбираются вопросы о том, территории каких существовавших до реформы административных единиц вошли в его состав, каким образом они были разделены между старыми и вновь созданными городскими центрами. Как и в третьей главе, основной результат этой работы и основное содержание главы – подробные авторские карты.

В шестой главе – «Итоги реформы. Новая система административного деления» – дается общая характеристика масштаба произошедших перемен в составе городской сети.

В первом параграфе – «Наместники и наместничества» – исследуется вопрос о том, приводило ли широко распространенное соединение нескольких наместнических постов в одних руках к формированию дополнительного уровня административного деления, своеобразных «наместнических округов». Показано, что оснований говорить об этом нет: территории, объединенные под властью одного наместника, не составляли постоянных сочетаний, и их конфигурации часто менялись. Екатерининские вельможи, таким образом, просто сочетали в своих руках по несколько постов.

Во втором параграфе – «Состав наместничеств и масштабы территориальных перемен» – вычисляются площади наместничеств и определяется, земли каких ранее существовавших административных единиц вошли в состав каждого из них. Показано, что определение новых административных единиц в пределах внутренних губерний Европейской России осуществлялось в довольно строгом соответствии с тем принципом, который был декларирован в «Учреждениях», а именно – обеспечение примерного равенства населения наместничеств и уездов. Немногочисленные отступления от него были сделаны в основном на окраинах, они были обусловлены стремлением обеспечить доступность административных центров для жителей (на малонаселенном Севере) и расчетом на будущий рост населения (в южных степных губерниях). Более того, они, видимо, не предполагались изначально, и только выявившиеся на практике «неудобства» вынудили правительство сделать их. Созданное «на карте» деление зачастую не учитывало реалий «на местности» (например, уезды могли не иметь дорог, связывавших их территории), однако для наместников единообразие единиц имело приоритет перед подобными местными реалиями.

Новые административные единицы создавались путем перекомпоновки существовавших, «отчисления» определенного числа населения (ревизских душ) и занимаемых ими территорий от одних административных центров к другим, так что вокруг региональных и местных центров, сохранивших свой статус, остались и большие массивы исторически «тянувших» к ним земель.

Поскольку карты и статистические материалы, на основании которых разрабатывались планы преобразований, были весьма неточными, границы новых административных единиц сначала приблизительно определялись «в кабинете», а затем уточнялись «на местности». Когда уезд разделялся новой границей, она часто проводилась по карте, иногда в виде прямой линии, которая затем уточнялась при демаркации границ. Важно подчеркнуть, что авторы реформы не стремились к сохранению старых границ, они могли уцелеть только в тех случаях, когда между центрами, которые они разделяли, не было необходимости в обмене населением.

Таким образом, можно говорить о том, что существовавшая до реформы система административного деления была заменена новой, созданной на иных принципах.

Одновременно границы между «окраинными» и «внутренними» губерниями империи практически на всем протяжении рассматриваемого времени оставались неизменными. Причина того, что реформа, нацеленная на унификацию социального строя и управления в различных частях империи, проводилась обособленно в каждой из этих частей, состоит, видимо, в том, что императрица понимала, что путь, который предстоит пройти этим сообществам для формирования в империи единого социального и правового пространства, очень различен просто в силу разных точек начала этого пути.

В третьем параграфе – «Судьба станово-волостного деления уездов» – исследуется судьба древнего внутреннего деления уездов на станы и волости, показывается, что границы этих единиц совсем не учитывались при проведении реформы и могли сохраниться только по чистой случайности.

В четвертом параграфе – «Перемены в составе городской сети» – разбираются изменения в урбанистической карте страны. Указы об открытии наместничеств впервые законодательно определили, что городами считаются центры наместничеств или уездов, и дали их исчерпывающие перечни. Таким образом, основным фактором ликвидации или создания города была потребность в нем как в административном центре (то есть наличие населения,

которое было отнесено к «новоназначенному», еще не имеющему города уезду). Численность и характер занятий населения, наличие транспортных артерий и развитого торгового учтывались, но были второстепенными факторами. Логика губернской реформы, таким образом, подчинила себе логику городской реформы. Впоследствии это также сильно повлияло на развитие дорожной сети, поскольку дороги должны были связать между собой центры преобразованной городской сети.

В **заключении** подводятся общие итоги исследования. Созданная в результате реформы пространственная структура общества отличалась, в полном соответствии с замыслом реформы, значительно большей однородностью, чем ранее. Наместничества и уезды отличались близкой численностью населения, обладали выстроенной по единым лекалам социальной структурой и администрацией, города покрывали страну ровной сетью, более плотной в центре и редящей, вместе с плотностью населения, на окраинах.

Замысел реформы, таким образом, не учитывал и не мог учесть того, что дальнейшее демографическое и экономическое развитие будет происходить в условиях крупных трансформаций в обществе. Впоследствии, вероятно, можно будет оценить воздействие реформы на это развитие, однако уже сейчас очевидно, что искусственно внедренное единообразие просуществовало недолго. В частности, его нарушал бурный и неравномерный процесс урбанизации: одни города, особенно из числа вновь учрежденных, так и не превратились в центры экономической жизни, в то время как другие росли опережающими темпами, привлекая значительную миграцию и формируя вокруг себя обширные агломерации.

Объяснение того, почему реформа, столь серьезно изменившая всю пространственную организацию общества, основанная на сугубо формальном подходе к «новому разделению» территории государства и проведенная чисто административными методами, не встретила сопротивления и даже, похоже, не вызвала существенной критики, видимо, следует искать в том, что

трансформация административных границ не затрагивала жизненных интересов сословий, составлявших российское общество. В налоговом и правовом отношениях пространство центральных губерний империи было к последней четверти XVIII в. в значительной степени единым, и переход имения, посадской, служилой или крестьянской общины в другой уезд не приводил к изменениям в объеме повинностей и не ставил под угрозу владельческие права. Объем прав купца и его возможности для развития торгового дела также зависели не от его принадлежности к той или иной городской общине, а от его капиталов и профессиональных качеств. Права и обязанности, служебные и деловые перспективы представителя того или иного сословия определялись и обеспечивались не принадлежностью к той или иной корпорации, цепко державшейся за свои привилегии и имевшей ресурсы для того, чтобы защитить их от соседей или от коронной администрации, а общегосударственным правом. Эта сильная консолидация русских сословий – результат длительного развития, направленного на создание единого социального пространства, на преодоление областной обособленности.

Губернская реформа завершила формирование единого социального и административного пространства внутренних губерний империи и обозначила тенденцию к его расширению на окраины, где социальное устройство и состав населения были существенно иными.

Основные положения и выводы диссертации отражены в следующих публикациях:

Публикации в рецензируемых научных изданиях, индексируемых в базах данных Web of Science, Scopus, RSCI, и в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по группе специальностей 5.6.

Исторические науки:

1. *Хитров Д.А.* О методах нового разделения империи: реформы административного деления в Вятском крае от Екатерины Великой до Павла

- Первого // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11. № 3. С. 862–879 (1,5 п.л.) (Scopus, SJR – 0,264).
2. *Хитров Д.А.* О судьбе древнерусских станов и волостей в XVIII в. // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2023. Т. 91. № 1. С. 140–145 (0,6 п.л.) (RSCI, ИФ РИНЦ – 0,316).
3. *Хитров Д.А.* Об изменениях административных границ в ходе павловской губернской реформы // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2023. Т. 14. № 6 (128). DOI: 10.18254/S207987840027114-4 (1,2 п.л.) (Scopus, SJR – 0,193).
4. *Хитров Д.А., Рыжков О.В.* Изменения границ регионов Центральной России в XVIII–XX вв. // *Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество)*. 2023. Т. 20. № 3. С. 79–108 (1,1 п.л. / 0,6 п.л.) (ИФ РИНЦ – 0,804).
5. *Хитров Д.А.* Административное деление Мещерского края в XVI–XVIII вв. и его перестройка в последней четверти XVIII в. // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2022. Т. 13. № 8 (118). DOI: 10.18254/S207987840022570-6 (1,6 п.л.) (Scopus, SJR – 0,193).
6. *Khitrov D.A.* Реформа административного деления Екатерины II в Московском регионе // *Cahiers du monde Russe*. 2021. Т. 62. № 1–2. С. 137–158 (1,5 п.л.) (Scopus, SJR – 0,111).
7. *Хитров Д.А.* К вопросу о границах Шацкого уезда XVII–XVIII вв. // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2019. Т. 75. № 1. С. 130–132 (0,5 п.л.) (RSCI, ИФ РИНЦ – 0,316).
8. *Хитров Д.А.* От Слободской губернии к Харьковскому наместничеству: реформа административно-территориального устройства Слободской Украины в 1780 г. // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2019. Т. 18. № 3. С. 525–539 (1,3 п.л.) (RSCI, ИФ РИНЦ – 0,452).
9. *Хитров Д.А., Черненко Д.А.* Сведения материалов Генерального межевания о жилой городской застройке на Севере и Северо-Западе России в конце XVIII в.

// Историческая информатика. 2019. № 4. С. 1–11 (0,7 п.л. / 0,3 п.л.) (RSCI, ИФ РИНЦ – 0,515).

10. *Хитров Д.А.* Образование Орловского наместничества в ходе губернской реформы Екатерины II // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2018. № 3. С. 16–27 (0,7 п.л.) (RSCI, ИФ РИНЦ – 0,217).

11. *Хитров Д.А., Алябина И.О., Голубинский А.А., Кукушкина О.В.* Материалы Генерального межевания как источник картографической информации для характеристики землепользования в Балахнинском уезде Нижегородской губернии // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2018. № 2. С. 103–117 (0,8 п.л. / 0,2 п.л.) (RSCI, ИФ РИНЦ – 1,548).

12. *Khitrov D.A.* Tributary Labour in the Russian Empire in the Eighteenth Century: Factors in Development // International Review of Social History. 2016. Vol. 61. P. 49–70 (1,2 п.л.) (Scopus, SJR – 0,233).

13. *Хитров Д.А., Алябина И.О., Голубинский А.А., Кириллова В.А.* Почвенные ресурсы и сельское хозяйство центра Европейской России в конце XVIII века // Почвоведение. 2015. № 11. С. 1302–1313 (1 п.л. / 0,25 п.л.) (RSCI, ИФ РИНЦ – 2,437).

14. *Хитров Д.А., Голубинский А.А., Черненко Д.А.* Градостроительная реформа Екатерины II в Нижегородской губернии // Родина. 2014. № 2. С. 29–32 (0,4 п.л. / 0,1 п.л.) (ИФ РИНЦ – 0,033).

15. *Хитров Д.А., Голубинский А.А., Черненко Д.А.* Уездный город: Перепланировка. Перемены в Калужской губернии при Екатерине II // Родина. 2014. № 10. С. 52–55 (0,4 п.л. / 0,2 п.л.) (ИФ РИНЦ – 0,033).

16. *Хитров Д.А., Пахунов С.Н.* Губернская реформа 1775 г. в Смоленской губернии // Родина. 2013. № 9. С. 80–83 (0,4 п.л. / 0,2 п.л.) (ИФ РИНЦ – 0,033).

17. *Хитров Д.А., Голубинский А.А., Черненко Д.А.* Итоговые материалы Генерального межевания: о возможностях обобщения и анализа // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2011. № 3. С. 35–51 (1 п.л. / 0,4 п.л.) (RSCI, ИФ РИНЦ – 0,217).

18. *Хитров Д.А.* К вопросу об эволюции феодального владения в Центральном Нечерноземье в XVII–XVIII вв. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2004. № 1. С. 79–101 (0,6 п.л.) (RSCI, ИФ РИНЦ – 0,217).

19. *Хитров Д.А.* К вопросу о тенденциях в развитии крестьянского землепользования в Центральном Нечерноземье в XVII–XVIII вв. // Вестник архивиста. 2003. № 5–6. С. 213–221 (0,5 п.л.) (RSCI, ИФ РИНЦ – 0,369).

Публикации источников:

20. Города Российской империи в материалах Генерального межевания. Центральная Россия / Сост. А.А. Голубинский, Д.А. Хитров, Д.А. Черненко. М.: Аквариус, 2016. (70 п.л. / 23 п.л.).

21. Города Российской империи в материалах Генерального межевания. Продолжение / Сост. А.А. Голубинский, Д.А. Хитров, Д.А. Черненко. М.: Древлехранилище, 2022. (90 п.л. / 30 п.л.).

Публикации в других научных изданиях:

22. *Khitrov D.A.* The Provincial Reform of 1775 in Russia and Russian Large-Scale Cartography of the Late Eighteenth Century // *Raíces Profundas. Un viaje por las fuentes geohistóricas hasta la Ilustración*. Vol. 2. Madrid: Editorial de la Universidad de Cantabria, 2025. P. 301–315 (0,8 п.л.).

23. *Хитров Д.А.* Карта административно-территориального устройства Пошехонского уезда в середине XVIII в. // Археографический ежегодник за 2016–2023 годы. М.: Наука, 2024. С. 137–157 (1 п.л.).

24. *Хитров Д.А.* Новое разделение империи на картах екатерининского времени // *Екатеринина держава. Пространства власти в Российской империи эпохи Екатерины Великой*. Историко-документальная выставка. 17 мая – 23 июля 2023 г., Выставочный зал федеральных архивов. М.: Кучково поле Музеон, 2023. С. 26–35 (0,8 п.л.).

25. *Хитров Д.А.* Границы и состав поселений Путивльского уезда в середине XVIII в. (по картографическим материалам) // *Путивль и путивляне в истории и культуре России (1500–1925 гг.): сборник статей и материалов*. М.: Старая Басманная, 2022. С. 163–177 (0,5 п.л.).

26. *Хитров Д.А.* Карта административно-территориального устройства Новоторжского уезда в середине XVIII в. // Источники по истории русского средневековья. Т. 1. М.: Издательский центр ИРИ РАН, 2022. С. 293–309 (0,6 п.л.).
27. *Хитров Д.А.* О методах составления уездных карт первой половины XVIII в. и о возможностях их использования для пространственных реконструкций // Библиография. Археография. Источниковедение. Сборник статей и материалов. Т. 5. СПб.; М.: Старая Басманная, 2022. С. 32–46 (0,5 п.л.).
28. *Хитров Д.А.* Уездные ландкарты и каталоги поселений первой половины XVIII в.: к вопросу о методах работы петровских геодезистов // Петр Великий: исследования и открытия. К 350-летию со дня рождения. Материалы Международной научной конференции «Значение преобразований Петра I в новой и новейшей истории России». Москва, 17–19 мая 2022 г. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. С. 727–734 (0,4 п.л.).
29. *Хитров Д.А.* Вологодский уезд и административная реформа 1775–1783 гг. // Традиционные и новаторские пути изучения социальной истории России XII–XX вв. Сборник статей в честь Елены Николаевны Швейковской. М.: Институт славяноведения РАН, 2021. С. 358–372 (0,7 п.л.).
30. *Хитров Д.А.* Бассейн реки Вороны во второй четверти XVIII в.: к истории административно-территориального деления России до губернской реформы Екатерины II // Научное наследие профессора А.П. Пронштейна и актуальные проблемы исторической науки. Ростов-на-Дону: Альтаир, 2019. С. 668–564 (0,3 п.л.).
31. *Хитров Д.А.* Из истории проведения губернской реформы Екатерины II: примерные расписания к картам наместничеств // Сборник статей по русской истории в честь Александра Ивановича Гамаюнова к его 60-летию от друзей и коллег. М.: Древлехранилище, 2019. С. 311–325 (0,8 п.л.).
32. *Хитров Д.А.* Шведская двоеданская область на русской карте середины XVIII века // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 6. М.: Издательский дом МГУ, 2019. С. 298–302 (0,2 п.л.).

33. *Хитров Д.А.* Расформирование Елецкой провинции в ходе губернской реформы 1775 г. // *История: факты и символы.* 2018. Т. 14. № 1. С. 107–117 (0,5 п.л.).
34. *Хитров Д.А.* Реализация губернской реформы Екатерины II на территории Севской провинции // *Вестник Брянского государственного университета.* 2018. № 2 (36). С. 232–241 (0,6 п.л.).
35. *Хитров Д.А.* Границы уездов на русских крупномасштабных картах XVIII века // *Русь, Россия: Средневековье и Новое время.* Вып. 5. М.: Издательство Московского университета, 2017. С. 148–150 (0,2 п.л.).
36. *Хитров Д.А.* Электронные карты административно-территориального деления России накануне и после губернской реформы 1775 г.: о методике составления // *Русь, Россия: Средневековье и Новое время.* Вып. 3. М.: Исторический факультет МГУ, 2013. С. 399–403 (0,2 п.л.).
37. *Хитров Д.А., Голубинский А.А., Черненко Д.А.* Леса Центрального Черноземья по материалам Генерального межевания // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия «История. Политология. Социология».* 2013. № 1. С. 165–169 (1 п.л. / 0,4 п.л.) (ИФ РИНЦ – 0,287).
38. *Хитров Д.А., Голубинский А.А., Черненко Д.А.* Городское землепользование на Европейском Севере России в конце XVIII – первой половине XIX вв. // *Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы.* 2011. М.: Институт славяноведения РАН, 2012. С. 168–176 (0,6 п.л. / 0,2 п.л.).
39. *Хитров Д.А., Голубинский А.А., Немцева-Фролова Н.Ф.* Межевание в Области Войска Донского: особенности проведения и методы исследования // *Кавказский сборник.* Т. 7 (39). М.: Русская панорама, 2011. С. 164–175 (0,6 п.л. / 0,2 п.л.).
40. *Хитров Д.А.* Генеральное межевание // *Большая российская энциклопедия. Восьмеричный путь – Германцы.* Т. 6. М.: Большая российская энциклопедия, 2006. С. 543–544 (0,1 п.л.).